

уровне обобщающие духовные основы китайской культуры, историю и принципы развития архитектуры Китая. Они открывают новые горизонты для установления продуктивного контакта между традицией и культурой цифровой эпохи.

Список литературы

1. Верченко, А. Л. Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» / А. Л. Верченко // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2020. – № 1. – С. 6-18.
2. Галкин, А. А. Глобализация / А. А. Галкин // Большая российская энциклопедия: сайт. – URL: <https://old.bigenc.ru/sociology/text/2364517> (дата обращения: 06.05.2024).
3. Кондрашова, Л. И. Китай вступает в новую эпоху (проблема периодизации истории КНР) / Л. И. Кондрашова // Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016-2020) / Сост. П. Б. Каменнов, отв. ред. А. В. Островский. – Москва, 2020. – С. 29-40.
4. У Ляньюн. Пекинская Хартия. – Текст: электронный // International Union of Architects: [сайт]. – 1999. – URL: https://www.uia-architectes.org/wp-content/uploads/2022/01/CharteBeijing1999_russian.pdf (дата обращения: 13.11.2023).
5. Усов, В. Н. Политико-идеологические кампании 1949–1976 гг. / В. Н. Усов // Духовная культура Китая: Энциклопедия. Том 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. – Москва: Восточная литература РАН, 2009. – С. 308-351.
6. Шевченко, М. Ю. Традиционная концепция «гор и вод» в архитектуре Ма Яньсуна / М. Ю. Шевченко // Современная архитектура мира. Вып. 6 / гл. ред., сост. Н. А. Коновалова. – Москва, 2016. – С. 167-181.
7. Cheng, T. Hope-Challenges-Strategies – The Present and Future of China's Contemporary Architecture = 希望·挑战·策略——当代中国建筑现状与发展 / Taining Cheng // Chinese Contemporary Architectural Design Development Strategy = 中国当代建筑设计发展战略 / Chinese Academy of Engineering. – Beijing: Higher Education Press, 2014. – P. 243-257.
8. 王欣 (Ван Синь). 建筑需要如画的观法 (Архитектура требует живописного типа видения) / 王欣 (Ван Синь) // 建筑创作 (Архитектурное творчество). – 2016. – № 4. – С. 170-185.
9. 葛韵宇 (Гэ Юньюй). "奇奇怪怪"建筑的兴起——对中国现代建筑艺术发展的思考 (Возвышение «странной» архитектуры: размышления о развитии современной архитектуры в Китае) / 葛韵宇, 张云路, 林辰松 (Гэ Юньюй, Чжан Юньлу, Линь Чэньсун) // 建筑与文化 (Архитектура и искусство). – 2015. – № 10. – С. 201-203.
10. 李建成 (Ли Цзяньчэн). 数字化建筑设计概论 (Введение в цифровое архитектурное проектирование). – Пекин: Китайское архитектурно-строительное издательство, 2012.
11. 马岩松 (Ма Яньсун). 山水城市 (Город гор и вод). – Гуйлинь: Издательство Гуансийского педагогического университета, 2014.
12. 彭一刚 (Пэн Иган). 面向21世纪中国建筑的展望 (Перспективы китайской архитектуры в XXI веке) / 彭一刚 (Пэн Иган) // 彭一刚文集 (Собрание сочинений Пэн Игана). – Ухань: Издательство Хуачжунского университета науки и технологии, 2010. – С. 65-68.
13. 曹嫣红 (Цао Юаньхун). 我国“奇奇怪怪的建筑”产生原因浅谈 (Причины появления «странных зданий» в нашей стране) / 曹嫣红 (Цао Юаньхун) // 居舍 (Жилье). – 2017. – № 26. – С. 134.
14. 赵辰 (Чжао Чэнь). 和而不同: 对中国建筑思想与观念的探索 (Гармония в многообразии: мое исследование взглядов и мыслей на китайскую архитектуру) / 赵辰 (Чжао Чэнь) // 时代建筑 (Время+Архитектура). – 2021. – № 3. – С. 16-19.
15. 郑时龄 (Чжэн Шилин). 境外建筑师在中国的实验与中国建筑师的边缘化 (Эксперименты зарубежных архитекторов в Китае и децентрализация китайских архитекторов) / 郑时龄 (Чжэн Шилин) // 时代建筑 (Время+Архитектура). – 2005. – № 1. – С. 34-35.

М. Э. Венгерова, Д. Н. Щепетков
M. E. Vengerova, D. N. Shchetkov

Изменение объемно-пространственного оформления «Животворящего столпа» в храмах Руси (XI–XVII веков) *The modifications of the three-dimensional design of the "Life-Giving Pillar" in the churches of Russia (11–17th centuries)*

Ключевые слова: Животворящий столп, собор, христианство, крестово-купольная система, крещатый свод, сомкнутый свод

Keywords: Life-Giving Pillar, cathedral, Christianity, cross-dome system, groin vault, the closed vault

Аннотация. В домонгольский период наблюдается четкое деление на кубичный объем, символизирующий «земную» жизнь, и столпообразный «небесный» в подкупольном пространстве в крестово-купольных храмах. В период объединения Русских земель XIV–XV веков наблюдается дополнение в виде килевидных закомар и кокошников в образ общей «пламенеющей» молитвы святых и праведников, живущих на небесах, что усиливало цельность формы собора, и «Животворящий столп» объединяется с общим объемом церкви так, что столпообразным воспринимается весь храм, как на фасаде, так и в интерьере (последний – за счет введения высокого иконостаса, перед которым объединенная молитва христиан сливается в единое горнее звучание, что позже еще больше подчеркивалось двухстолпными и бесстолпными конструктивными схемами). В XVI веке появляются церкви, где «Животворящий столп» становится одной «огненной» явственной доминантой, которая в пяти- и девятистолпных соборах дополняется круглыми кокошниками в образ Покрова Пресвятой Богородицы и всех русских святых, что утверждается в празднике. Позже, в XVII веке получит широкое распространение именно такой «покров» многоярусного оформления кокошниками сомкнутых и крещатых сводов.

Abstract. In the pre-Mongol period, there was a clear division into a cubic volume symbolizing "earthly" life and a pillar-shaped "heavenly" in the domed space in the cross-domed churches. During the unification of the Russian lands of the 14th – 15th centuries, there was an addition in the form of keeled zakomars and kokoshniks in the image of a common "flaming" prayer of saints and righteous living in heaven, which strengthened the integrity of the volume of the cathedral

and the "Life-Giving Pillar" seemed to unite with the total volume of the church, so that the entire volume of the cathedral is perceived as a facade so is the interior, the latter, due to the introduction of a high iconostasis, the united prayer of Christians merges it into a single mountain sound, which was later further emphasized by two-pillar and pillar-less structural schemes. The "Life-Giving Pillar" becomes one "fiery" clear dominant in the churches of the 16th century, which in five and nine-column cathedrals is complemented by round kokoshniks in the image of the Intercession of the Blessed Virgin Mary and all Russian saints, as the feast is confirmed, later, in the 17th century. It is such a cover that will appear in the multi-tiered designs of closed and baptised arches.

В наших предыдущих работах анализировались в основном геометрические пропорции построения общих размеров и символических зон в интерьерах древнерусских храмов (X–XV веков) [5–7]. Первостепенная важность размерения именно внутреннего пространства собора показывалась нами как проявление богословского понимания важности бессмертной души, в то время как возводимые стены рассматривались лишь как ее временное земное вместилище. Подобно тому как в местах поклонения христиан в пещерах Рождества и Гроба Господня был лишь интерьер, внешний вид же представлял собой земную поверхность, в первых христианских храмах на Святой Земле IV века (например в триконхе на горе Нево) внешний абрис стен выполнялся в виде массивной стены, символизирующей собой землю, что подчеркивалось его четырехгранной формой. Эта же идея грубого фасада будет прослеживаться в архитектуре, например, Ликии еще два века. Образ утрированно огрубленных внешних форм, как образ священной горы, будет встречаться еще и в последующие века в виде четырехгранных апсид и использования для внешних кладок грубого необтесанного строительного материала. Это выясненное обстоятельство главенства и смыслового наполнения внутреннего пространства церковью было основополагающим в нашем исследовании. Оно позволило выявить наличие «Животворящего столпа», находящегося в начале всех последующих построений в соборах Руси (X–XV веков).

К. Н. Афанасьев [2, с. 209] и В. П. Зубов [11, с. 41–42] приводят переводы описаний строительства храма Двенадцати апостолов в Константинополе, оставленные по этому Родием, жившим в Византии в X веке, а также рассказы Прокопия («О постройках») и Николая Месарита (XII–XIII вв.) [11, с. 43–44]. В них упоминается, что сначала размечался «мезомфалос» (транслитерация латинского термина) – пространство средокрестия, «столп» (что есть пустотелая башня), «пуп земли», «центр мира», «поток», «компас» (различные переводы, встречающиеся в православной литературе и в англоязычных описаниях путешественников).

Сравнение церкви с башней существует с апостольских времен, например в произведении «Пастырь» Ерма (II в.) [9, с. 297]. На Елеонской горе в IV веке возвели круглую колоннаду Имбомон без крыши над центральным пространством (по исследованиям Винсента Л.Х., 1913) в память о месте Вознесения Спасителя [19, с. 10]. Евсевий Памфил в IV веке пишет о соборной постройке Константина: «...этот храм, тогда император возвел в видимый памятник Воскресения Спасителя», то есть он возвел материальную оболочку над местом восшествия на небо [16]. Евсевий описывает церковь

в Финикии г. Тир «столпом», «... Божественное и разумное здание души» [8, с. 437, 445]. «Столпами» называли первые храмы в IV веке равноапостольная Нино и св. Григорий Просветитель, добавляя уточняющие прилагательные «Животворящий» или «огненный». О Божественном присутствии в виде столпа «облачного» или «огненного» можно найти в Библии (Откр. 10:1; Исх. 13:21, 13:22, 33:9, 33:10; Втор. 31:15, Неем. 9:19, Прем. 18:3, Чис. 14:14) [13, с. 112]. Апостол Петр пишет, что «Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины» (Тим. 3:15). На иконе московской школы «Борис и Глеб с житием», написанной в период духовного Возрождения Руси в XIV веке, в клейме, повествующем о перенесении мощей свв. Бориса и Глеба, построенная для этого церковь изображается в виде «столпа», пустотелой башни, на которую накинута ткань, что символически сообщает об изображении интерьера. И эта трехчастная прозрачная мантия, в образ трех нефов, обрисовывает еще больший круглый объем с тем же центром, что и срединный столп, так что диаметр центрального круга удваивается (рис. 1 а).

Ввиду того, что на иконах в указанный период изображались души святых, а не тела, следует вывод, что иконописец визуализировал внутреннее сокрытое от глаз устройство пропорционального богословского понимания собора. В нашем исследовании была выявлена эта последовательность удвоенных кругов, следующая из описываемого образа Григорием Богословом в IV веке, о сущности Святой Троицы, похожей на реку, льющуюся с неба и у земли разделяющуюся на два равных рукава, где диаметр круга, символизирующего Отца, равен кругу Сына и Святого Духа, так как Троица едина. Плотное сплетение трех колец дает суммарную фигуру, начертанную на земле размером с удвоенный центральный круг «Слова», что есть символ двойной природы Иисуса Христа. Именно эти два догмата сущности Святой Троицы и природы Иисуса Христа «жарко» обсуждались на первых Вселенских соборах.

Эти богословские схемы были нами выявлены в построениях внутренних пропорций как в девятичестном типе храма, так и в многонефных соборах и храмах с притворами на Руси (X–XV вв.) [5–7]. При этом внешний вид древнерусских храмов всегда был неповторим и менялся со временем, особенно в XVI–XVII веках. Поэтому нам представлялось интересным рассмотреть изменение объемно-пространственного образа «Животворящего столпа» как основы христианского храма, выявленного в описаниях церкви с апостольских времен до изучаемого нами периода, в связи с меняющимся мировоззрением и появлением новых конструктивных и технологических решений.

Иньяс Мейерсон, французский психолог, основатель исторической психологии, в середине XX века отмечал в диссертации, что в различные времена при различных исторических условиях в народе могут бытовать свои прочтения каких-либо событий или особенные раскрытия сторон мировоззрения. И для того, чтобы понять творения, надо восстановить картину мира и особенные исторические условия глазами современников [18]. В науке конца XX – начала XXI века доказана связь философии эпохи и форм ее материальной культуры, о чем писала Н. Г. Попова, профессор МАРХИ, доктор философии [14]. Поэтому нами в исследовании учитывались контекстуальные преобразования, культурная среда и доступные философские трактаты при рассмотрении и трактовании каких-либо особенностей и изменений в формах архитектуры.

В период с XI по XIII век во внешнем виде храмов Древней Руси наблюдается четкое двухчастное деление на «кубичность» нижнего объема, символизирующего земную жизнь, и «столпообразность» «небесного» над местом Воскресения и Вознесения Иисуса Христа ярко выраженной архитектурной доминанты в середине сооружения над средокрестием, увенчанной на фасаде крестом, а в интерьере – фреской Спасителя. Это трансляция христианского мировоззрения о временности здешнего мира и вечности жизни «будущего века». Крестово-купольная система, пришедшая на Русь из Византии вместе с принятием христианства, прекрасно иллюстрировала эту соподчиненность, где центральная глава церкви – Христос, дополнительных малые главы – апостолы, своды – образ «неба видимого», апсида – образ пещеры Рождества или Гроба Господня (соборы Софийский в Новгороде, Успенский во Владимире, Преображенский в Переславле-Залесском и т. д.) (рис. 1). Надо отметить, что в славянских верованиях было трехчастное деление мира: правь, явь и навь. Верхний мир – «правды» Богов, здешний – «на яву», навь – нижний мир мёртвых. Христианство же транслировало идею, что у Бога все живы, предлагая богооткровенное новое понимание мироустройства. Поэтому световой и облачный столп, обозначающий место «сретения» (встречи) с Богом («ибо сказано, что Иисус, вознесшийся на небо, придет таким же образом как ушел»

(Деян 1:4-14)), и назывался «Животворящим» (жизнь творящим). Христос соединил в себе две природы – Божественную и человеческую, поэтому крестились двумя перстами на Руси до Никоновской реформы. В планах соборов явно считывались перекладыны креста за счет использовавшейся крестово-купольной конструктивной схемы в образ «просвещения» всей земли Русской «святым крещением» князя Владимира [15, с. 42].

Также представляет интерес изменение самых пространственных пропорций высоты «Животворящего столпа» относительно его горизонтального сечения, которая со временем начинает приобретать более вытянутые пропорции. Если в начале это обычно 1:3 (Во имя Святой Троицы), то в Софии Новгородской и других храмах Новгорода 1:4 (во имя Святой Троицы и Человеческой природы Христа, подобно тому как выстроен из четырех равных кругов план храма на горе Нево IV в.) [5]. Со времен появления на Руси праздника Покрова Пресвятой Богородицы (XII в.) пропорции становятся 1:5, то есть к вышеперечисленным символическим частям прибавляется еще круг во Имя Богородицы, также пребывающей на небесах. Изображения Богородицы, Христа и Святого Духа в кругах встречаются на иконах. После периода упадка из-за татаро-монгольского ига, вновь наблюдается особое почитание Сергием Радонежским (XIV в.) Святой Троицы, и пропорции «Животворящего столпа» вновь становятся 1:3.

Духовное Возрождение Руси XIV века стало плодом единения и общей молитвы народа, князей, дружины, священнослужителей и монахов против междоусобных войн, Золотой Орды и поляков. Объединение началось с введения общинножительного устава в монастырях. Так, до послания Патриарха Константинопольского Филофея, Троицкий монастырь, основанный Сергием Радонежским, был особножительным, где каждый подвижающийся жил своим хозяйством и мог других иноков нанимать себе на работы, что, конечно, не способствовало молитвенному братству [1, с. 204-205]. Константинопольский патриарх заботился об укреплении Православной Руси, в надежде на ее помощь в деле спасения Византии от османов, завоевавших большую часть империи. Монастырские древнерусские храмы в XIV–XV веках приобретают высокий многоярусный иконостас

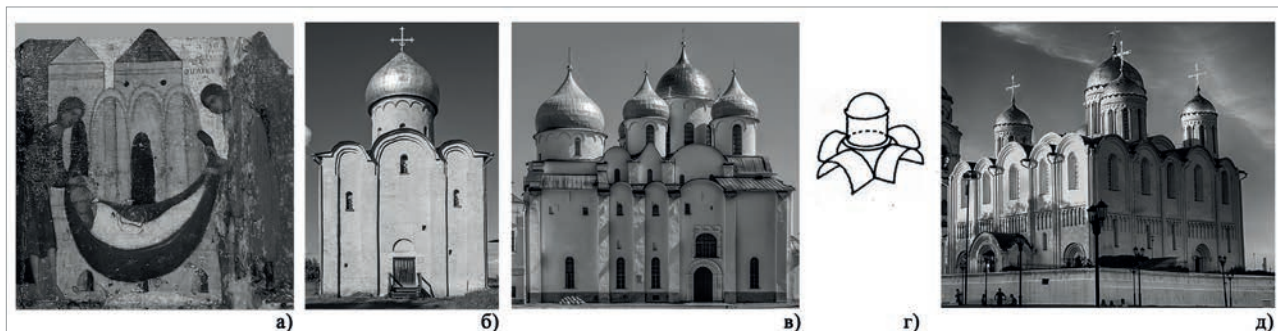

Рис. 1. Анализ объемно-пространственного и конструктивного решения «Животворящего столпа» в храмах Руси XI–XII веков: двухчастное деление объема собора на кубическое «земное» и столпообразное «небесное»:

- а) «Животворящий столп» на клейме иконы «Св. Борис и Глеб с житием», XIV в., Государственная Третьяковская галерея, Москва;
 б) церковь Спаса на Нередице, 1198 г., Новгород; в) собор Святой Софии в Новгороде, 1053 г.;
 г) схема крестово-купольного храма (Источник: Зубова М.В. История архитектуры Византии и западной Европы. Средние века, Москва, 2011); д) собор Успения Пресвятой Богородицы во Владимире, 1183 г.

с множеством предстоящих перед Спасителем святых и праотцов, что визуализирует множество небесных заступников. Эта идея общей «горящей» молитвы с пребывающими на небесах («живые в помощи») переходит на фасадное решение церковей в виде килевидных завершений закомар и кокошников (Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры, собор Рождества Пресвятой Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре и др.) (рис. 2).

Интерьерное решение с общим предалтарным пространством способствовало единению молящихся. Централизация власти вокруг Московского княжества при духовном предводительстве митрополита Алексия и единое молитвенное предстояние народа находит отражение в увеличении центричности храма, столпообразности архитектурных обликов соборов с визуально более целостными интерьерными пространствами, с «близким» светом, струящимся из окон барабанов, как образом Божественного присутствия.

Митрополит Алексий в XIV веке пишет в своем «Поучении из апостольских деяний к христолюбивым христианам»: «Созда столп» – божественная церкви», цитируя Григория Богослова, что говорит о хорошем знании трудов этого святителя. Он также приводит его цитаты о церковной молитве: «...силы небесные с нами невидимо служат» [12]. Церковную молитву свт. Алексий сравнивает с огнем: «Как дом не может согреться дымом без огня, так и домашняя молитва без церковной». В Житии Сергия Радонежского иноки Троице-Сергиевой лавры в молитвенном предстоянии описываются как «сами горящие и пламенеющие любовью к богу яснее самых ярких свеч» [10]. Сам преподобный Сергий, отмечая важность молитвы к Отцу небесному, сравнивал ее с огнем очистительным, говоря: «Ведь и золото не бывает без огня чистым» [10]. Поэтому четкое деление на два мира «небесного» и «земного» сглаживается килевидной разработкой пластики фасадов образами огненного молитвенного предстояния, помощи множества святых и праведников, положивших свою жизнь «за други своя». Так Спасский собор Спасо-Андроникова монастыря строился как памятник воинам

Куликовской битвы (сейчас представлен в реконструкции). В греческом синаксаре XII века упоминается, что «праведники и по смерти живут». В предании о сорока севастийских мучениках, мощи которых были вложены в «Животворящий крест», присланный Сергию Радонежскому из Константинополя, говорится от том, что охранники видели небесные силы, помогающие святым. Таким образом, все искусство с этого периода проникнуто идеей единства, начиная от «Троицы» Андрея Рублева, до общности интерьерного пространства с последующим появлением двухстолпных, а потом и бесстолпных храмов с крещатым, впоследствии, и сомкнутым сводом, что было конструктивным новшеством, визуализирующим общие объединительные тенденции, существовавшие в обществе.

Объемно-пространственное решение «Животворящего столпа» меняется. В период с XI по XII века «столп», как в иконе «Святые Борис и Глеб с житием» (рис. 1 а), это выделение средокрестия, визуализирующего ключевое событие Воскресения. Относительно горизонтального сечения «Животворящего столпа» размерилась внутренняя ширина структурного ядра храма, геометрическим построением символической задачи «квадратура круга», выравнивания перед Волей Божьей «неба» и «земли», при которой чертится графический образ единой Троицы, как плотно сплетенные три равных круга, центры которых находятся на расстоянии радиуса друг от друга [5]. Это можно наблюдать с IV в., например, в триконхе на горе Нево.

В XI – XV веках в фасадном решении «Животворящего столпа» наблюдается сглаживание перехода от доминанты к ширине храмов, которые строятся трёхнефными, так что внешне получался достаточной цельный центричный одноглавый объем, как собирательный образ общей «пламенеющей» молитвы.

В XVI веке вышеупомянутое молитвенное пламя во внешнем облике устремляется высь, охватывая весь объем церкви. Так, образ «Животворящего столпа» составляет уже всю постройку, например, в церкви Вознесения в Коломенском (рис. 2 в). Позже «Животворящий столп» в решениях фасадов многостолпных храмов до-

Рис. 2. «Животворящий столп», дополненный на фасаде килевидными закомарами и кокошниками в образ «пламенеющей» «непрестанной» молитвы, предстоящих перед Иисусом Христом: Пресвятой Богородицы, святых и праведников: а) изображение «пламенеющей» молитвы святых. Фрагмент иконы «Неделя Всех святых», нач. XVII в., из церкви Воскресения Христова с. Кишерть, Пермская государственная художественная галерея; б) собор Рождества Пресвятой Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре, 1398 г., Звенигород, МО; в) церковь Вознесения в Коломенском, 1532 г., Москва; г) церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в селе Дьякове, 1529-80 гг., МО; д) церковь Спаса-Преображения в селе Остров, XVI в., Московская область; е) фрагмент круглых и килевидных кокошников в соборе Покрова Пресвятой Богородицы на Рву, 1561 г., Москва; ж) изображение святых под сенью, «покровом» на фрагменте иконы «Неделя Всех святых» из церкви Всех святых в Ростове, вторая половина XVI в., г. Ростов, Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль»

полнился округлыми кокошниками, как сиянием и святостью небесных заступников и праведников, «добрыми делами просиявших» [13, с. 42] (рис. 2 ж). На Московских соборах 1547, 1549 годов прославляется сонм святых русских, и с середины XVI века вводится Праздник Собора всех русских святых (забытый в Синодальный период и восстановленный на Великом Московском поместном соборе в 1917–18 гг.), пишутся одноименные иконы, в которых также видны молитвенно пламенеющие группы святых (рис. 2 а). Эта идея общей пламенеющей молитвы всего Собора святых проявлена в столпообразных соборах XVI века. «Животворящий столп» в них представлен в огненном виде «нетварного» света, подсвечивающего путь Новозаветного спасения, дарованной вечной жизни жертвой Иисуса Христа Сына Божия, на месте Воскресения и Вознесения Господня, что похоже на Ветхозаветные образы Божественного присутствия, что упоминаются в Библии, в том числе над Скинией (Исх. 33:9, 33:10; Втор. 31:15).

Именно идея вечности передается через символику геометрических форм – восьмигранника, как «осьмого» дня вечности, что наступает после семи дней. И именно такое «пре-вращение» квадрата, при котором получается восьмигранник, и будет впоследствии широко использоваться зодчими в деревянной храмовой архитектуре России (восьмерик на четверике). Такая форма в пропорциональном размерении трех центральных нефов, как вращающийся подкупольный квадрат, в древнерусских храмах начинает появляться в конце XI века, в период массового строительства соборов, и встречается в храмах-памятниках, соборах, имеющих оборонное значение, во вторых соборах в монастырях или в церквях, построенных по заказу жителей улицы [5].

Величественная объемно-пространственная композиция соборов из пяти или девяти столпов (Покрова Пресвятой Богородицы на Рву, церковь Преображения Господня в селе Остров, Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове и др.) (рис. 2) дополнена декорированием, состоящим из полукругов покровов и языков пламени, смысл которых можно прочесть в тексте Стоглава (1551 г.), где записано на шести листах перечисление «...святых и великих чудотворцов, иже в нашей земли великия Росия в чудотворениях просиявших...»,

«...добрыми делами просиявших». Отсюда визуальные образы сияния нимбов [15, с. 41-43], что появились как раскрытие духовного смысла образа горнего Иерусалима, с подобием кристаллов сонма небесных заступников, царственной идеи Москвы как Третьего Рима и хранильницы Православия.

В конце XVI – XVII веках появляются вновь кубические храмы, но уже с крещатыми или сомкнутыми сводами, бесстолпные или двухстолпные. Они декорируются многоярусными кокошниками в образ Покрова Пресвятой Богородицы и всех святых, с главной световой доминантой Христа, являющегося главой Церкви (первый собор Донской иконы Божьей Матери в Донском монастыре, храм Покрова Богородицы в Рубцове и др.) (рис. 3). Надо отметить, что тема русских угодников Божьих (коих «у нас стало много» и они «нетленны лежат и чудеса творят», а греки растеряли) действительно обсуждалась, о чём свидетельствует «Прение с греками о вере» монаха Чудова монастыря в Московском Кремле Арсения Суханова, изданное в 1650 году [3, с. 450].

Иногда добавляются главки в образ апостолов (церковь Святой Троицы в Никитниках и др.) или Богородицы с Иоанном Крестителем (церковь Богородицы Одигитрии в Вязьме и др.). «Великая Россия создается весной 1612 года «Советом всей земли», после Смутного времени [3, с. 3], и это также нашло отражение в архитектуре соборов, где многоярусная композиция из кокошников визуализирует небесный собор. В архитектуре в разные времена отражали мировоззрение, которое соотносилось и с государственным устройством через различные формы [4]. Резюмируя, «Животворящий столп» продолжает и в этот период обозначать место божественного присутствия и источника «истинного» света; при этом значение святых, к которым обращаются в молитвах, приобретает важное смысловое наполнение, что визуализируют многоярусные кокошники. Молящиеся объединены покровом цельного свода и единым интерьерным пространством.

Таким образом, существовавший в начале принятия христианства на Руси образ бестелесного «Животворящего столпа», как образ места встречи с Богом в Его Доме, оставался на всем протяжении семи веков до Си-

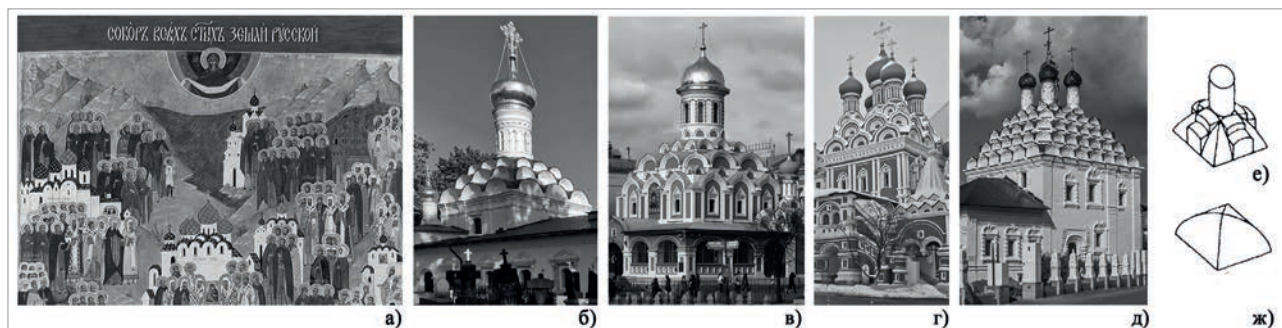

Рис. 3. Образ Покрова Пресвятой Богородицы и Собора всех святых на земле Русской просиявших в архитектуре узорочья XVI-XVII веков: а) фрагмент иконы «Собор всех святых земли Русской», просиявших своей жизнью и подвигами и непрестанно молящихся о ней; б) первая церковь Донской иконы Божьей Матери в Донском монастыре, 1593 г., Москва; в) собор Казанской иконы Божьей Матери на Красной площади, 1625 г., Москва (реконструкция); г) церковь Святой Троицы в Никитниках, 1628 г., Москва; д) храм Николы на Посаде, 1716 г., г. Коломна; е) схема крещатого свода (Источник: Православные храмы. В 3 т. Т. 2: Православные храмы и комплексы. М.: АХЦ «Арххрам», 2014. С. 90, рис. 48); ж) схема сомкнутого свода (там же)

нодального периода, лишь по разному декорировался, обстраивался различными объемами в соборах – то крестообразными кубическими (в крестово-купольных), то целостными интерьерами с крещатыми сводами, где образ креста переносится с земли на небо, как бы осеня молящихся. Позже использовался сомкнутый свод, символизирующий единый «покров» Пресвятой Богородицы и святых с центральным световым барабаном в образ Спасителя, как образ «просветителя» и главы Церкви.

Рассматривая храмовую архитектуру с XI по XVII век, можно проследить, что основные догматы христианства в виде «Животворящего столпа» Божественного присутствия традиционно используются, а различные конструктивные решения соответствуют новым «прочтениям» и национальным «дополнениям», появляющимся на Руси. О рвении к истинной вере можно прочитать у близкого к царю Арсения Суханова, бывшего с 1633 года архидьяконом патриарха Филарета Никитича, «царском отце и истинном хозяине России» [3, с. 7]. Арсений в 1650 году пишет: «И ныне у нас государь царь великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец, во всей подсолнечной своим благочестием сияет, яко солнце посреди земля, и во всем ревнует первому благочестивому царю Константину Великому, церковь Христову чисто снабдевает, и от всяких ересей защищает». И надо отметить, что это говорится за несколько лет до Никоновских обновлений и греческих исправлений: «У нас государь царь благочестивой, ереси никакой не любит, и во всей его государевой земли ереси нету» [3, с. 450]. Поэтому все изменения объемно-пространственного решения «Животворящего столпа», как основы всех последующих построений в архитектуре соборов рассматриваемого периода, есть непрерывное развитие богословской мысли, ответ на чаяния молящихся, меняющиеся из-за изменений в жизни общества. С начала принятия христианства на Руси надо было утвердить и через архитектуру основные догматы, отличавшиеся от прежних верований; для борьбы с иноземцами требовалось объединение усилий Церкви и народа в молитвенном и военном противостоянии, отсюда и центричность, и пламенеющий «Животворящий столп», далее и многостолпные композиции горнего Иерусалима, как образ столицы – Третьего Рима; позднее образ «осенения» Святым Духом и покровом небесным всех русских святых, что молятся на небесах у земле Русской и творят чудеса преклоняющимся у мощей своей верой в Иисуса Христа.

Список литературы

1. Аверьянов, К. А. Сергей Радонежский: личность и эпоха / К. А. Аверьянов. – Москва : Центрполиграф, 2018.
2. Афанасьев, К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими / К. Н. Афанасьев. – Москва : Ладомир, 2002.
3. Богданов, А. П. «Прения с греками о вере» 1650 г. Отношения Греческой и Русской церковей в XI–XVII вв. / А. П. Богданов. – Москва : Академический проект; Директ-Медиа, 2020.
4. Венгерова, М. Э. Генезис геометрических форм и задач в архитектуре как запись меняющегося мировоззрения / М. Э. Венгерова // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2023. – № 2 (63). – С. 130–143. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2023/2kvart23/PDF/08_vengerova.pdf DOC: 10.24412/1998-4839-2023-2- 130-143.
5. Венгерова, М. Э. «Животворящий столп» как основа пропорционирования древнерусских храмов X–XV веков / М. Э. Венгерова // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2018. – № 1 (42). – С. 24–46. – URL: http://marhi.ru/MIT/2018/1kvart18/01_vengerova/index.php (дата обращения: 4.12.2020)
6. Венгерова, М. Э. К выяснению сущности пропорций структурных ядер в древнерусских христианских храмах X–XV веков / М. Э. Венгерова // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2018. – № 3 (44). – С. 331–345. – URL: http://marhi.ru/MIT/2018/3kvart18/20_vengerova/index.php (дата обращения: 20.03.2019).
7. Венгерова, М. Э. Решение задачи «квадратуры круга» в геометрическом пропорционировании древнерусских храмов X–XV веков / М. Э. Венгерова // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2017. – № 1 (38). – С. 137–148. – URL: <http://marhi.ru/AMIT/2017/1kvart17/vengerova/index.php> (дата обращения: 20.03.2018).
8. Памфил, Евсевий еп. Церковная история / Евсевий Памфил. – Москва : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2016.
9. Ерм. Пастырь // Легоев М. В., священник. Патрология. Период Древней Церкви: с хрестоматией: [учеб. пособие] / священник Михаил Легоев; Санкт-Петербургская православная духовная академия. – Санкт-Петербург: СПбПДА, 2015.
10. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четых-Миней святого Димитрия Ростовского. В 12 кн. – Москва, 2010. – URL: http://azbuka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/824#source (дата обращения 24.04.2024)
11. Зубов, В. П. Труды по истории и теории архитектуры / В. П. Зубов. – Москва : Искусствознание, 2000.
12. Историческая хрестоматия для изучения истории русской церковной проповеди с общей характеристикой периодов ее, с биографическими сведениями о замечательнейших проповедниках русских (с XI–XVIII в. включительно) и с указанием отличительных черт проповедничества каждого из них. Гл. IX Святитель Алексий Московский (Брянковтов). Поучение из апостольских деяний к христоролюбивым христианам / Сост. священник М. А. Поторжинский, преподаватель Киевской духовной семинарии. – Киев : тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1879. – С. 105–109. – URL: http://azbuka.ru/otechnik/Aleksij_Moskovskij/pouchenie-iz-apostolskikh-dejanij-k-khristoljubivym-khristianam/ (дата обращения: 24.04.2024).
13. Небесный храм в раннем иудаизме и христианстве / под ред. Т. Гарсия-Уидборо и А. А. Орлова. – Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2022.
14. Попова, Н. Г. История и философия науки (архитектуры): учебное пособие (развернутая программа) для аспирантов творческих специальностей / Н. Г. Попова. – Москва : МАРХИ, 2013.
15. Стоглав: Текст. Словоуказатель. – Москва, Санкт-Петербург: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2018.
16. Ancient Witnesses on the Church of the Holy Sepulchre. 26 сентября 2015 // *Православие.ru*. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/82456.html> (дата обращения: 10.05.2024).
17. Balderstone, Susan. Early church architectural forms: a theologically contextual typology for the Eastern churches of the 4th – 6th centuries. – Melbourne : The Australian Institute of Archaeology, 2007.
18. Meyerson, Ignace. Les fonctions psychologiques et les oeuvres / Ignace Meyerson. – Paris, 1948 (Editions Albin Michel, S.A., 1995).